

Новоселов Виктор Геннадьевич

"ТРАДИЦИОННАЯ" И "НОВАЯ" ТЕОРИИ РЕФЕРЕНЦИИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Данная статья посвящена анализу различных трактовок содержания понятий "значение" и "референция" в теории знаковых систем. На основании анализа делается вывод о том, что теория референции Х. Патнэма, теория "языковых игр" Л. Витгенштейна и семиотика Ч. Пирса, несмотря на все методологические различия, в целом схоже трактуют понятия значения и референции, стремясь преодолеть в них "менталистский" элемент. Значение знака толкуется как способ его употребления и интерпретации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. I. С. 176-179. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

SYSTEM APPROACH IN DESIGN THEORIES

Elena Yur'evna Novikova, Doctor in Philosophy, Professor
*Department of Philosophy
Russian Economic University
Novikovaelena77@yandex.ru*

The author reveals the features of system approach application in design theories, and tells that system approach, developed within the framework of philosophical methodology, interdisciplinary researches and synergy, allows considering design theory in a wide social context, hierarchical interconnections, and it helps to overcome one-sidedness and absolutization in design process understanding.

Key words and phrases: system approach; open systems; design; methodology; society; values; social responsibility of designer.

УДК 124.2

Философские науки

Данная статья посвящена анализу различных трактовок содержания понятий «значение» и «референция» в теории знаковых систем. На основании анализа делается вывод о том, что теория референции Х. Патнэма, теория «языковых игр» Л. Витгенштейна и семиотика Ч. Пирса, несмотря на все методологические различия, в целом схоже трактуют понятия значения и референции, стремясь преодолеть в них «менталистский» элемент. Значение знака толкуется как способ его употребления и интерпретации.

Ключевые слова и фразы: знак; значение; смысл; обозначение; означивание.

Виктор Геннадьевич Новоселов, к. филос. н.

Кафедра философии

Новосибирский государственный технический университет

viktor-novoselov@yandex.ru

«ТРАДИЦИОННАЯ» И «НОВАЯ» ТЕОРИИ РЕФЕРЕНЦИИ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ©

В последнее время многие теоретики семиотики отказались от попыток изучать *значение*, подставив вместо этого понятия понятие *референт* [5, с. 134]. Резон заключается в том, что если хочешь четко различать содержание выражения и возможный объект этого выражения, то рискуешь попасть в путы ментализма или психологизма. Со времен Декарта и Локка философы, как правило, придерживались той точки зрения, что слова и выражения нашего языка являются знаками идей и используются, прежде всего, для выражения наших мыслей. Г. Фреге положил конец такому пониманию языка, провозгласив, что наши слова служат для обозначения объектов в реальности, а не идей в нашем сознании. Основной функцией языка, с его точки зрения, является вычленение предметов в окружающем нас мире с тем, чтобы высказывать о них истинные утверждения. Поместив на место ментальных образов предметы окружающего мира, Фреге, однако же, не полностью изгнал идеи из теории значения. Так, согласно Фреге, значение слова представляет собой двухкомпонентное образование: слово обозначает некоторый объект и выражает некоторый смысл (или идею), т.е. то, что мы мысленно схватываем, когда понимаем слово.

Под «знаком» Фреге понимает «любое обозначение, выступающее в роли имени собственного, значением которого является определенный предмет (в самом широком смысле этого слова), но не понятие и не отношение» [4, с. 26].

В знаке выделяются две составляющих: смысл и значение: «...некоторый знак (слово, словосочетание или графический символ) мыслится не только в связи с обозначаемым, которое можно было бы назвать значением знака, но также и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать смыслом знака, содержащим способ данности» [Там же]. Обозначение одного предмета может состоять также из нескольких слов или иных знаков. Для краткости каждое такое обозначение Фреге называет именем собственным.

По его мнению, смысл имени собственного будет понятен каждому, кто в достаточной степени владеет языком или совокупностью обозначений, к которым оно принадлежит; однако значение имен, если таковое имеется, освещается при этом лишь с одной стороны. Правильная связь между знаком, его смыслом и значением должна быть такой, чтобы знаку соответствовал определенный смысл, а смыслу, в свою очередь, - определенное значение, в то время как одному значению (одному предмету) соответствует не только один знак. Один и тот же смысл выражается по-разному не только в разных языках, но и в одном и том же языке. Правда, встречаются исключения из этой правильной связи. Разумеется, в совершенной совокупности знаков каждому выражению должен соответствовать лишь один определенный смысл, однако естественные языки далеко не всегда удовлетворяют этому требованию. Таким образом, даже если понимается некоторый смысл, это еще не обеспечивает наличие значения.

Когда слово употребляется обычным образом, тогда то, о чем хотят сказать, является его значением. Но иногда хотят сказать что-либо о самих словах или об их смысле. Такое случается, например, когда мы передаем чужие слова посредством прямой речи. Тогда произносимые нами слова обозначают, прежде всего, слова другого человека, и только эти последние имеют обычное значение. В этом случае мы имеем дело со знаками знаков, т.е. со смыслом.

Это понятие «смысла» и образует тот «менталистский» элемент, который позволил ряду современных философов отнести теорию значения Фреге к картезианской «менталистской» традиции. Этот менталистский элемент еще более усилен постулатом Фреге о том, что смысл языкового выражения определяет его предметное значение, или, в современной терминологии, его референцию. Это следует понимать так, что референтом слова будет тот объект, который удовлетворяет характеристикам, включенным в смысл этого слова, т.е. смысл задает «путь» к референту, позволяет соотнести слово с определенным элементом мира. Своей семантической концепцией Фреге во многом задал парадигму всех последующих рассуждений о значении в рамках аналитической философии.

Большое внимание теории референции уделяет также Б. Рассел. В своей статье «Об обозначении» («On Denoting») Рассел вводит понятие «обозначающей фразы», под которой он понимает следующие фразы: человек, некоторый человек, любой человек, каждый человек, все люди, обращение Земли вокруг Солнца, центр масс солнечной системы в первый момент XX века и т.д. Такие фразы являются означающими исключительно в силу своей формы. Рассел выделяет три типа таких фраз: 1) фраза может быть означающей и все же ничего не обозначать; 2) фраза может обозначать определенный объект; 3) фраза может иметь двусмысленное значение [6, p. 118].

Рассматривая теорию значения Фреге, Рассел признает, что его выделение в обозначающих фразах двух элементов - смысла (meaning) и значения (denotation) в целом продуктивно, т.к. позволяет избежать нарушения закона противоречия.

Тем не менее, он отмечает, что принятие точки зрения о том, что обозначающая фраза выражает смысл и обозначает значение, приводит к определенным трудностям в тех случаях, когда значение отсутствует. Может показаться, что такого рода суждения абсурдны. На самом деле они таковыми не являются в силу того, что их исходные гипотезы являются ложными. Таким образом, по мнению Рассела, если мы признаем, что обозначающие фразы имеют две стороны - смысл и значение, - случаи, в которых, как кажется, значение отсутствует, вызывают трудности как в принятии того, что значение действительно присутствует, так и в принятии того, что оно отсутствует [Ibidem, p. 119].

В современной аналитической философии при формулировке традиционной теории обычно используются не предложенные Фреге понятия смысла и предметного значения, а синонимичные им понятия интенционала и экстенционала, введенные Карнапом. Помимо тезисов Фреге о двух компонентах значения и об определении экстенционала интенционалом, традиционная теория содержит также положение о том, что смысл (или интенционал) языкового выражения представляет собой множество дескрипций свойств и характеристик, которые присущи обозначаемому им объекту (или объектам). Это положение восходит к теории дескрипций Рассела, согласно которой даже обычное имя собственное является «скрытой» или «сокращенной» дескрипцией. Очень важную роль в традиционной теории значения играет понятие аналитической истины, которое позволяет описать механизм установления референции. Предложение считается аналитическим, если его истинность устанавливается на основе интенционалов входящих в него терминов. Если P – свойство, входящее в интенционал термина T , то утверждение «Все T есть P » является аналитически истинным, а в соответствии с традиционной трактовкой аналитической истины оно является априорным и необходимым. Отсюда следует, что обладание характеристиками, включенными в интенционал термина, образует необходимое и достаточное условие для отнесения объекта к экстенционалу данного термина.

В то же время в развитии философии языка после Фреге просматривается отчетливая тенденция избавиться от понятия смысла и, таким образом, довести до конца дело, начатое им. Это объясняется не в последнюю очередь тем, что понятие «смысла» не поддается выражению в формальном виде и его трудно анализировать логико-математическими методами. Таким образом, содержанием выражения оказывается то, что «странствует» в голове интерпретатора, получившего (т.е. воспринявшего) данное выражение. Именно потому, что за подобным «странствованием» невозможно уследить, некоторые теоретики предпочли не иметь дело со значением. Но единственными альтернативами были или замена значения соответствующим состоянием мира (строго экстенциональная интерпретация согласно «новой теории референции»), или сведение значения к поведению, вызываемому знаком (согласно позднему Ч. Моррису). Однако, поскольку есть выражения, значение которых никак нельзя усмотреть через наблюдаемое поведение, бихевиористский критерий представляется весьма неудовлетворительным [5, с. 241].

Представитель новой теории референции Х. Патнэм выдвигает два основных аргумента против традиционной трактовки значения общих терминов. Первый аргумент, согласно которому неудовлетворительность традиционного понимания значения общих терминов станет совершенно очевидной, если попытаться определить в традиционном духе значение какого-нибудь термина естественного вида. При традиционном подходе значение термина формулируется в виде дескрипции и предполагается, что любой объект, обладающий перечисленными свойствами, является данным объектом. Неадекватность такой трактовки Патнэм видит в том, что естественный вид может иметь аномальных членов, которые не удовлетворяют соответствующей конъюнкции свойств, но, тем не менее, принадлежат к данному естественному виду. Другая трудность, с которой сталкивается традиционная теория, состоит в невозможности указать такую конъюнкцию свойств, которая позволила бы выделить естественный вид единственным образом. Никогда нет гарантии, по мнению

Патнэма, что не будет обнаружено такое вещество или животное, которое полностью удовлетворяет дескрипции свойств соответствующего естественного вида, но которое, тем не менее, в силу своей внутренней природы не принадлежит к данному виду [3, с. 378].

Итак, основная идея этого аргумента состоит в следующем: ни одно из свойств, обычно включаемых в интенционал термина естественного вида, не годится для аналитического определения этого вида, поскольку, согласно традиционному истолкованию аналитической истины, она должна быть априорной и необходимой, а ни одно из указанных свойств нельзя считать необходимым, так как принадлежность объекта к некоторому естественному виду может не зависеть от обладания этими свойствами.

Второй аргумент Патнэма против традиционной теории значения поднимает более глубокий пласт проблем. Согласно этому аргументу, традиционная теория значения опирается на два допущения, которые не могут быть одновременно истинны. Первое допущение устанавливает, что понимание значения слова связано с пребыванием в определенном ментальном (или психическом) состоянии. Это допущение лежит в основе характерного для традиционной теории отождествления интенционала (или смысла) с концептом и в признании того, что концепты должны каким-то образом опосредоваться ментальными репрезентациями. Второе допущение связано с тем фактом, что интенционал слова определяет его экстенционал в том смысле, что интенционал образует необходимое и достаточное условие для вхождения объекта в экстенционал. Если принять указанные допущения, то нужно признать, что «происходящее в нашей голове» должно детерминировать то, на что указывают наши слова. Однако, считает Патнэм, ментальное состояние не может определять экстенционал термина.

Патнэм рассуждает следующим образом. Согласно традиционной теории значения, человек понимает некоторое слово, если усвоил его смысл. Но учитывая, что смысл слова часто представляет собой довольно сложную совокупность информации, следует признать, что очень небольшое число людей владеет смыслами и, следовательно, понимает слова. Тогда огромное большинство носителей языка можно было бы обвинить в том, что они не понимают те слова, которые используют. Но такое предположение, по мнению Патнэма, является абсурдным, поскольку для того, чтобы понимать и использовать слово, совсем необязательно в полном объеме знать «фрегевский» смысл слова. Вполне достаточно, считает Патнэм, положиться на экспертов, которые владеют этим смыслом, а кроме того, владеют методом распознавания объекта и благодаря которым этим методом владеет весь языковой коллектив. Из этого следует, что в лингвистическом сообществе существует разделение труда, связанное со знанием и использованием разных аспектов «значения» слов и опирающееся на обычное разделение труда. Вследствие этого лингвистического разделения труда к определению референции терминов естественных видов имеют отношение не обрывочные и неполные «смыслы», локализованные в головах отдельных людей, а та детальная информация и методы распознавания, которыми владеют эксперты.

Наряду с разделением лингвистического труда Патнэм указывает второй фактор, который, по его мнению, играет наиболее важную роль в установлении референции терминов естественных видов. Этот фактор состоит в том, что экстенционал термина естественного вида «частично устанавливается внешним миром». В основе этого утверждения лежит допущение, что любой естественный вид (будь то биологический вид, природное вещество или физическая величина) предполагает наличие у его членов общей внутренней природы (или сущности), выражающейся в общей внутренней структуре, общих существенных свойствах или общих объективных законах, управляющих поведением или развитием членов данного естественного вида. Человек познает эту внутреннюю природу естественных видов в ходе развития науки, поэтому, по мнению Патнэма, «в определении экстенционала парадигмы и исследовательские программы, открывающие законы (или повышающие точность имеющихся законов), занимают место, которое ранее отводилось жестко сформулированным необходимым и достаточным условиям» [Там же, с. 384].

Новое решение, предлагаемое Патнэмом, уже полностью в духе Витгенштейна. Согласно этому решению, значение лингвистических выражений является тем, что *показывает себя* в наших словах и предложениях. Когда мы слышим или читаем слова и предложения, мы не воспринимаем их как простые «звуки и знаки», в которые должно быть «вставлено» значение, находящееся вне их и присутствующее в нашем сознании как некая «ментальная сущность». Мы воспринимаем значение в самих словах и предложениях, но отсюда не следует, считает Патнэм, что значение присуще им от природы. Наши слова и предложения обладают значением, потому что имеет место определенная «техника употребления», благодаря которой значение *показывает свое лицо* в них. Одна деятельность может *показывать* себя в другой благодаря тому, что все виды человеческой деятельности тесно увязаны друг с другом, образуя сложную и разветвленную систему. Поэтому и мышление – это не отдельно стоящая деятельность, не поддерживаемая никакими другими видами деятельности. Оно вплетено в сложную систему практик как лингвистических, так и нелингвистических.

Таким образом, новая теория референции тесно смыкается с теорией языковых игр Л. Витгенштейна. Под *языковыми играми* понимаются модели (образцы, типы) *работы* языка, его варьируемых функций. Подобно всяким моделям, предназначенным для прояснения усложненного, непонятного, «языковые игры» выступают в концепции Витгенштейна прежде всего как *простейшие* или *упрощенные* способы употребления языка, дающие ключ к пониманию более зрелых и нередко неузнаваемо видоизмененных случаев [1, с. 42].

Следовательно, значение есть, в своем первичном понимании, перевод знака в другую систему знаков, а значение данного знака есть тот знак, в который данный знак должен быть переведен [2, с. 162]. Таким образом, интерпретация посредством интерпретантов — это способ, которым знак манифестируется (проявляется) как значение.

Список литературы

1. **Витгенштейн Л.** Из «Философских исследований» // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. С. 32–54.
2. **Новоселов В. Г.** Проблема интерпретации знака и неограниченный семиозис // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14). Ч. 2. С. 160-163.
3. **Патнэм Х.** Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13. С. 374-392.
4. **Фреге Г.** Смысл и значение // Фреге Г. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. С. 26-43.
5. **Эко У.** Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: Издательство РГГУ, 2005. 502 с.
6. **Russel B.** On Denoting // The Philosophy of Language / ed. A. P. Martinich. 3rd edition. Oxford University Press, 1996. P. 112-126.

**“TRADITIONAL” AND “NEW” THEORIES OF REFERENCE:
SIMILARITIES AND DIFFERENCES**

Viktor Gennad'evich Novoselov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy
Novosibirsk State Technical University
viktor-novoselov@yandex.ru

The author presents the different interpretations analysis of the content of the notions “meaning” and “reference” in the theory of sign systems, basing on the analysis concludes that the theory of reference by H. Putnam, the theory of “language games” by L. Wittgenstein and semiotics by Ch. Peirce, despite methodological differences, in general similarly interpret the notions of meaning and reference in the effort to overcome “mentalistic” element, and tells that the meaning of a sign is understood as the way of its use and interpretation.

Key words and phrases: sign; meaning; sense; designation; attribution.

УДК 347.1

Юридические науки

В статье анализируется регулирование правового режима антиквариата. Рассмотрена нормативная база особого статуса следующих видов антиквариата: оружия, имеющего культурную ценность; имущества религиозного назначения; архивов и уникальных документов; объектов археологического наследия.

Ключевые слова и фразы: антиквариат; характер правового режима; оружие, имеющее культурную ценность; имущество религиозного назначения; архивы и уникальные документы; объекты археологического наследия.

Регина Талгатовна Нуруллина

*Кафедра гражданского и предпринимательского права
Казанский (Приволжский) федеральный университет
bereta@inbox.ru*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА РАЗНООБРАЗНЫХ ВИДОВ АНТИКВАРИАТА©

В силу своей специфики антиквариат выступает особым объектом гражданского права, что опосредует особенности его правового режима. При этом состав антикварных предметов необычайно широк. К антиквариату относятся: произведения искусства (живопись, графика, скульптура, гравюры, эстампы), имущество религиозного назначения (художественно оформленные предметы культового назначения, в том числе иконы и церковная утварь), мебель и домашняя утварь (посуда, предметы обихода), ткани, часы, автомобили, тяжелая техника, оружие, награды, униформа, военные регалии, игры и игрушки, украшения, марки, монеты, редкие рукописи и документальные памятники (представляющие особый исторический, художественный, научный и культурный интерес), архивы, включая фоно- и фотоархивы и другие архивные материалы, и т.д.

Все эти разновидности могут быть выделены на основании нормативно-правовых актов международного и национального уровней [2; 5; 13; 24; 25]. Некоторые виды антиквариата подчинены специальному правовому регулированию.

Так, правовое регулирование оружия в первую очередь составляют нормы Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [17]. Согласно ст. 25 указанного закона предусмотрен специальный вид владения оружием – его коллекционирование. Сам термин «оружие, имеющее культурное значение» методом исключения был закреплен в постановлении Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории